

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Обложка *Екатерина Золотарева*

Гриненко, Борис Александрович.

Г85

Признание в любви / Борис Гриненко. — Москва : Гриненко Б., 2024. — 480 с.

Появление на работе новой девушки — молодой, красивой, умной Ирины — всколыхнуло сердце Бориса.

Не сразу начался между ними роман и не сразу принял их новый мир. Однако когда это случилось, впереди главных героев ждали встречи с известными людьми, увлекательные путешествия и опасные приключения, новые друзья и потеря этих друзей. А главное — ждала любовь. И каждый день убеждал Ирину и Бориса, что «ты — моё счастье». А от мысли, что с Борисом могло что-то произойти, Ирине становилось плохо.

Но случилось то, о чем невозможно было даже подумать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-04148-6

© Борис Гриненко, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Гриненко Борис Александрович

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Менеджеры *А. Купцова, Д. Анисимова*
Аккаунт-менеджер *А. Потапкина*
Ответственный редактор *Н. Комахина*
Литературный редактор *М. Джалая*
Младший редактор *А. Казакова*
Компьютерная верстка *Р. Муртазин*
Корректор *Ю. Никитенко*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© PIER / Stone / GettyImages.ru

Страна происхождения: Российская Федерация

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, стр. 1, эт. 20, каб. 2013. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Интернет-магазин : www.book24.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»:
www.eksmo.ru/certification

Произведено в Российской Федерации

Дата изготовления / Подписано в печать 28.08.2024. Формат 60x90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.

Тираж 1000 экз. Заказ

ISBN 978-5-600-04148-6

9 785600 041486 >

18+

ХРИЗАНТЕМЫ

*Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.*

Ю. Левитанский

Метро от работы недалеко, но иду я, как всегда, быстро. На перекрёстке возвышается дом-«аристократ». На другую сторону улицы вместе со мной переходят несколько человек, спешим. Я оглядываюсь — «аристократ» салютует окнами. Не мне — солнцу. Непривычно оно для Ленинграда: ясных дней в году у нас едва наберётся на пару месяцев. А вот у зданий в городе привычка завидная — быть красивыми.

В нашем коллективе тоже есть привычка, негласная (такие лучше соблюдают), — зайти утром в давно облюбованное кафе, ответить на улыбки приятелей, выпить хороший кофе, сказать знакомым, по институту, девушкам, что они лучше всех. Но сегодня мне некогда, приглашённые коллеги из других организаций, наверное, уже смотрят на часы. До внеплановой встречи с городским начальством остаётся мало времени. А вот наш с Ирой тайный план, на который она согласилась, но не сразу, может и вовсе рухнуть. Он долго созревал, и для меня что-то значит. Как для неё — не знаю.

Сидим с коллегами в моём кабинете, готовимся. Но меня беспокоит другое; прошу разрешения выйти на пару минут. Нахожу повод заглянуть к Ире, загладить вину, а её нет,

в смысле Иры. Ухожу с гостями, встречаю её в коридоре, здороваюсь, будто ничего не было. Возвращаюсь к обеду, захожу ещё раз, — опять её нет! Сотрудники не понимают, что мне на этот раз понадобилось, — выдумал какую-то ерунду. На следующий день появляюсь ненадолго — Иру не вижу. Вызвать к себе — её обязательно спросят зачем. Не хочет ведь она, чтобы подумали, будто начальник домогается. Позвонить в отдел — трубку снимает не она, будет тот же вопрос. Не везёт так не везёт: следующий день тоже отсутствовал. Понадобился вечером генеральному, забежал в конце работы. Собираю документы к важной командировке. Не успеваю, как обычно, приготовить их вовремя. Сколько себя ни ругаю, а толку нет, ничего не меняется. Хотя сейчас в самом деле некогда.

Заглядывает Адик, её завотделом.

— Ты тут?

— Я стал невидимкой?

— Мы идём на фестивальнй фильм. Есть билет: Ира отказалась.

— Не до кино мне... А она что?

— К ней бывший муж приходил, их вместе у института видели.

Хлопнула дверь, затих вдали стук каблучков.

Беспрестанно звонит местный телефон. Я задумался: не знаю ведь о ней толком ничего... А нужно? Отвечаю генеральному: «Сейчас буду» — и захожу к Ире. На столе распечатка программы, рядом лежит закрытая книга; взгляд отрешённый. Она машинально тербит воротник кофточки, — похоже, задумалась о совсем другом алгоритме, который не сходится, что бы ни делала.

— Привет, — сажусь рядом. Книга лежит вверх ногами, перевёрнутая жизнь. — Что-то случилось?

Видно, что меня не ожидала.

— Из загаданного — ничего.

— Из незагаданного приходят одни неприятности.

— Вот и жду.

Слышу в каждом слове вопрос.

— Я пришёл.

Нашёл что ляпнуть. Явилась неприятность, до этого мнившая себя удачей.

Её рука застыла. Взгляд от распечатки не поднимается, книгу она не поворачивает. Может, они с мужем решили сойтись? Адик, кажется, говорил, что они в разводе не один год, но и тогда я всё равно «приятность».

У меня в кабинете опять надрывается телефон. Дурацкая пауза затягивается.

— Ирочка... — Разрешаю себе впервые так обратиться. — В моей «программе» ошибку не ищи, её нет. К сожалению, вечером еду в Москву.

Распахивается дверь, врывается секретарша:

— Бегаю, бегаю, еле нашла! Генеральный взбесился.

Я поднимаюсь и никак оправдываюсь:

— На несколько дней.

Столица временем не балует. Как и положено командированным — некогда. Тем не менее почти с утра набираю Адика якобы сообщить, что всё идёт по плану, хотя никогда раньше по такому поводу не звонил. В действительности же готовлюсь услышать: «Ира увольняется». Не услышал. Во время разговора заходит их замдиректора. Адик спрашивает:

— Откуда звонишь?

— Так, из конторы.

Вошедший начальник поднимает большой палец и наставляет своих:

— Учитесь, как нужно отвечать, где вы находитесь: не в головном закрытом институте, а в кон-то-ре! — Одобрительно хлопает меня по плечу: — С вами можно сотрудничать.

Здесь похолодало. Впопыхах я не взял счастливую курточку. Мне предлагают замену — отказываюсь: «Ничто не согревает так, как надежда». Они, конечно, решили, что я о делах.

Удивительно, но повезло, в Москве справился быстро. Дальше нужно в Минск, по этим самым делам, и совсем нестати — в Гомель. Зовут — даже не упрасивают, а требуют — приятели ещё по Академгородку, они в Белоруссии недавно обосновались. Москвичи советуют: «Удобнее ночным поездом». Но это ещё один день — есть ли он у меня? По благу они сняли чью-то бронь, и я уже в самолётике. Почему ласково? Во-первых, потому, что лечу, а во-вторых, это маленький Ту; под стать ему небольшие облачка.

Набираем высоту. Внизу разноцветными полями безупречно выложен орнамент, он окружает аккуратные посёлки. Блестит под солнцем речка, на берегах приютился лес — красота. В командировке уйма совещаний, запланированных и непредусмотренных встреч; постоянно кто-нибудь опаздывает, кому-то нужно идти в другое место. Ругаешься (про себя), смотришь на часы, всегда стоишь перед выбором: куда лучше бежать, чтобы всё успеть и не сломать свои и чужие планы.

В самолёте успокаиваешься: от тебя уже ничего не зависит, даже выйти не можешь.

Сижу у иллюминатора, можно расслабиться. Ничего не делаю. В командировке, а отдыхаю. Рядом девушка, отодвинулась подальше, всем видом показывает, что не хочет ни с кем общаться. Сзади два амбала уголовного вида достают чекушку. Один, с низким голосом, наставляет:

— А долдонил: «Поездом, поездом».

— Кто знал, что билеты заловим? — привычно оправдывается высокий голос. Привычку выдаёт извиняющийся тон.

— Не баламуть, стюардесса нарисуетя.

Суёт мне стакан:

— Бухнём за взлёт.

— Мне нельзя, спасибо... А пить нужно за посадку.

Раньше не задумывался (причины не было), а сейчас вообразил, что летим к Богу глянуть хотя бы издали, красивее у Него или нет. Вернусь — расскажу Ирочке, если дождётся.

Только об этом подумал, как стал чихать один мотор, а их всего два. Пассажиры переглянулись, но вроде ничего, продолжает работать. Успокаиваю соседку, заодно и себя:

— Вчера был дождь, он и простыл.

Самолёт всё-таки разворачивается, значит, что-то серьёзное. Опять все переглянулись. Амбал, который был за поезд, берёт своё:

— Говорил тебе, что лучше поездом.

Из-за шторы выбегает стюардесса:

— Пристегните ремни! — Видит бутылку: — Уберите немедленно! — И несётся дальше: — Пристегните ремни!

На обратном пути убеждается, что бутылку спрятали, и исчезает за шторкой. Двигатель снова чихает, чихает и глохнет. Глохнут и разговоры. Пилот старается выровнять одним двигателем — удаётся. Летим с креном, но прямо. И недолго.

Чихает два раза и глохнет второй. Смолкают все и всё. За бортом и в салоне тишина. Успеваю подумать, что абсолютная тишина существует. Ощущаю напряжение в мышцах, хотя не двигаюсь. Инстинкт самосохранения? Зачем-то вспоминаю, что в кино в таких случаях показывают панику: кричат, бегают... Я на спинке кресла перед собой умудряюсь разглядеть закрашенную царяшину.

Амбал, который предлагал выпить за взлёт, осторожно шепчет: «Падаем». Его сосед, как эхо, повторяет для себя: «Падаем». Голоса у них стали одинаковыми — безнадежными.

Смотрю в иллюминатор: облака пока ниже нас, потом рядом — и тут же побежали вверх, быстрее и быстрее. А мы вниз. Страха нет. Состояние не ужаса — обиды. Ну почему я и именно сейчас? Почему? За что? Ответа не жду, Господа не вспоминаю.

Продолжаем падать стремительнее... Паники никакой — тихое, тупое отчаяние. Девушка придвигается ко мне, вцепляется в запястье и не отпускает. Таких глаз в жизни не видел. И в кино.

Впереди пара средних лет. Она всхлипывает, утыкается лицом ему в грудь: «Прижми меня крепче».

Иллюминатор притягивает словно магнит. Хочу знать: когда будет последнее мгновение? Зачем? Что можно изменить? Всё равно смотрю вниз. Получается, что уже вперёд. Машины на шоссе были как муравьи, становятся больше и больше. Буду чувствовать боль или не успею? Раньше боли не боялся. По-прежнему тихо за бортом и в салоне. На соседей не оглядываюсь, уставился в иллюминатор. Стали видны люди на автобусной остановке. Они вверх не смотрят, нас не слышно.

И я сижу тихо, не ворочаюсь — ворочаются мысли. Как там родители? Из-за них ведь в Ленинград переехал... Сколько не успел им сделать. Одна надежда на сына, он здесь будет. А Ира?.. Хорошо, что не стал ей ближе. Зачем такое молодой девушке?

Моё внимание привлекает женщина на проезжей части дороги. Стоит отдельно от толпы, в руках букет цветов, она им голосует. К кому-то опаздывает. А я? Я тут. Мы все тут, торопимся, и остановить нас некому. Страха нет. Есть безысходность. Всё, сейчас конец. Мысли ушли, не дожидаясь этого конца. Всё закрывает неотвратимо приближающаяся земля.

Кажется непонятный шум... Нет, не кажется, так и есть. Стал фыркать двигатель с моей стороны, натужно загудел, заработал. Внутри у меня что-то зашевелилось. Надежда? В салоне тихо. Почти сразу — неустойчиво, с перебоями и чиханием — к нему присоединяется второй. Соседи молчат. Внизу люди задрали головы, показывают на нас.

Раскачиваясь, будто пьяный, самолёт летит над Минским шоссе, машин полно в обе стороны. Вернулись голоса, не шёпот: «Падаем», а поувереннее и погромче: «На шоссе садимся». И замолчали. В фильме «Невероятные приключения итальянцев в России» тоже «сажали» самолёт на это шоссе, только сейчас никто не радуется.

Вот так, вразвалку, болтаясь из стороны в сторону, ковыляем во Внуково. Дотянем или нет? Ну где ты там? Пока-

зались аэродромные постройки. Земля ближе, ближе. Когда же сядем? Быстрее давай, быстрее. Наконец-то полоса. Плюхнулись на неё вразнобой колёсами. Необычно высоко подпрыгнули. Прыгнули ещё раз, и ещё. Удивительно, что не сломали шасси. Засуетились колёса. Вдоль полосы стоит наготове ряд пожарных и санитарных машин.

Осуждённый на смертную казнь, наверное, так же себя чувствовал. В повести Виктора Гюго «Последний день приговорённого к смерти» осуждённый испытывает страшные муки и держится только надеждой, что отменят приговор. В назначенный день привели его на эшафот, положили на плаху. Палач готов, толпа ждёт последнего мгновения, но осуждённый верит: вот-вот прибегут и скажут, что казнь отменяется. У меня надежды не было. Приговорили. Отменить некому. И ждать нечего. Кроме смерти.

Только мы остановились, как тут же набежали техники, раскрыли люки, ковыряются. Пассажиры сидят с отрешёнными лицами, никто не говорит: «Повезло». Не обсуждают. Внутри пустота. Как автомат, делаешь то, что скажут.

Командир корабля объявляет:

— Кто желает сдать билет, для вас открыта специальная касса. Кто решил лететь дальше, через два часа будет *другой самолёт*.

Голос не сразу узнаёшь, и речь торопливая, не как прежде. Он подчеркнул сильным ударением спасительные слова «*другой самолёт*».

Зал отправления на взводе от шума нетерпеливых голосов. У каждой кассы толкучка. Народ с завистью расступается перед счастливым, у которого над головой листочек с указанием продать билет. У нашего окошка тихо, и цель у него другая — принять наши билеты. Оглядываюсь: многие летят опять. Все или нет — не знаю (не проверять же, а было бы интересно). Есть даже с детьми; амбалов не видно. Сажусь к тем, кто в самолёте был впереди.

— Не переживай, будешь потом смеяться,— успокаивает он спутницу. Увидел мою недовольную физиономию: — Вы тоже не беспокойтесь. По теории вероятностей случай не может повториться.

— Теория хороша в теории.— Эмоции толкают меня рассказать о происшествии с сотрудником газеты «Гудок», но сосед не один, а для остальных эта история будет совсем нехстати.

— Я преподаю математику...— берётся учитель за невероятного школьника.

— У меня диссертация по случайным процессам,— останавливаю урок.

Подходит девушка, сидевшая рядом. Встаю, показываю синяк на руке.

— Что я, синяков не видела?

— Ваш, в самолёте сжали.

— Извините. У меня сил таких нет. А тут... прощалась с жизнью, не могла чувствовать себя одинокой, вот, наверное, и уцепилась. Накануне с парнем рассталась.

Сомневающимся дали два часа. Усмехаюсь: не плюнуть ли мне на эти дела, тем более что возникли они по моей инициативе и заниматься ими никто меня не заставляет? Сам хотел как лучше: ребята в моём отделении, узнав, зачем еду, обрадовались. Ну, скажу им, расстроятся, конечно: «Будем стоять в очереди, ждать, когда поставят программы в обычном порядке». Но ведь я всегда был инициатором перспективных разработок, и статус института заметно поднимется. Да, а как с Ирой? Старался завоевать внимание, наобещал, а сам исчез. Что там у неё? Если уйдёт (она ведь ничем мне не обязана), буду локти кусать. Может, всё-таки вернуться? Приятели в Гомеле не говорят, для чего я там понадобился. Вдруг что-то серьёзное?

Продолжаю сидеть. Не размышляю, а перебираю прошлое: как я здесь оказался и нужно ли мне всё это?

Жизнь — книга: ты её пишешь сам (бывает, что и не сам), пишешь задумываясь или не очень. А я? В моей много страниц, но память — удивительная штука: возвращает к тому, с чего началось самое главное, без чего, как оказалось, и жизни настоящей просто не было бы.

Работал я в Академгородке в Новосибирске, работал, и пришла пора определиться — не стоит уже жить от родителей за тысячи километров. Переехал с семьёй в Ленинград, продолжил заниматься, как сейчас называют, информационными технологиями, ИТ. Но речь пойдёт не об этом, хотя нам внушали, что работа и есть главное. Время для неё, если честно, было бездарное, в смысле попыток сделать что-нибудь интересное — тонули они в общем застое и раздражали. Хотелось послать всё к чёрту. Именно это и предлагали рюмочные, не зря их широко раскинули, сетью. Несколько неосторожных движений, и ты в ней запутаешься.

В Ленинграде наш институт располагался удобно, в районе Техноложки, почти центр города. Удобство заключалось не только в транспортной доступности, но и в другом, не менее значимом. На работе частенько приходилось задерживаться, и мы с приятелями, чего греха таить, этим удобством пользовались, тогда это было самое популярное занятие мужского населения. Я имею в виду, конечно же, рюмочные. Они были рядом, и народ туда наведывался разный, но одинаково приветливый, от профессоров до простых рабочих: пожалуйста, проходите. В них не было музыки, — возможно, чтобы не отвлекала от разговоров, в том числе и по служебным делам.

Другое очевидное преимущество — много кафе. В нашем излюбленном, куда заходили утром и иногда вечером, продавщица Галя готовила хороший кофе. Она красила губы яркой изогнутой линией, и когда улыбалась, то одинокая волна пробегала по всегда спокойному морю. Ещё она встряхивала копной волос в ответ на удачную шутку. В кафе был единственный столик со стульями, за остальными нужно было стоять. Несведущим Галя поясняла: «Мои на работе насиделись».

Сегодня по ленинградскому обычаю с утра дождь, у прохожих одинаково неприветливые лица, и я быстро к ней:

— Чего не хватает?

Поворачивается ко мне и молчит.

— Радуги. Улыбнись, и она блеснёт под тучей твоих чёрных локонов. День должен начинаться встречей с хорошим человеком.

Ко мне пристраивается симпатичная девушка Иветта, похоже, что ждала такого человека. Она не из нашего отделения, милое создание, приятное личико, более чем симпатичная. Мои, да и не только, не обходят её вниманием.

— Хочу с тобой. Когда одна, то кофе плохой, а тебе заваривают — на удивление.

— Галя нас угощает, чтобы ты обратила внимание на меня.

— Я обратила, а ты не замечаешь.

— Ошибаешься — не надышусь. От тебя весной пахнет...

Сколько их было у меня...

— Да уж, поговаривают.

— Весна — в тебе: весной упиваются. Осень — мне: осенью вспоминают.

— Не оговаривай себя.

— Лучше признаться в этом самому, чем услышать от другого.

Вечер по ленинградской привычке тоже отдался дождю. Хорошо, что погода не сказывается на рюмочных и на театрах, всё равно идут и туда, и туда; но о театре потом. Расставил их в таком порядке не по значению (это я о себе), а по частоте посещения. Не уверен, правда, можно ли сказать «посетил питейное заведение»? Тогда в памяти всплывёт: «И вновь я посетил». Впрочем, оба места располагают к размышлениям. К сожалению, у многих наоборот. Таков мой новый друг, тёзка: «посетив», он обычно перебирает и его мнение становится единственно правильным.

На работе я задержался, впрочем, не первый раз. Ребята уже допивают. У стойки двое мужчин институтского вида обсуждают, сколько взять сегодня. Тёзка их просит:

— Пропустите академика... — И добавляет, щёлкая пальцем по горлу: — ...по этому делу.

Они уважительно отодвигаются, но один сомневается:

— Внешний вид не соответствует высокому званию.

— У него стаж с семи лет.

Тёзка не успел растрезвонить и вынуждает меня рассказать.

Новый год в военном училище. Дома стоит ёлка, такую мог принести настоящий Дед Мороз. Я впервые увидел ёлочные шишки. Большие-большие, держатся крепко — не оторвать. Потом сказали, что это подарок лесничества, верхушка большой ели.

Ребятня носится. Друзья родителей, офицеры, произносят тосты. Я им надоел, канючу у стола:

— Нале-ейте мне, я тоже хочу.

— Дайте же ему. Глотнёт, поперхнётся и никогда больше к рюмке не потянется.

В конце концов маму уговорили. Налили мне полрюмки. Я радостно схватил, выпил и... побежал к мальчишкам.

Мама рассказывала, что все обомлели. Она закричала и понеслась за мной. Я — от неё (в пятнашки играть). Еле поймала, затискала: «Что с тобой?» А я смеялся.

Через какое-то время уснул под ёлкой. Ничего со мной не было.

— А следующий раз? — Приятелям не заткнуть рот, хотят знать всё.

— Четвёртый класс. Первые экзамены. Мы, четыре друга, собрали мелочь, купили в ларьке бутылку красного, тогда всем продавали, и распили в лесу на травке под солнышком. Пили из горлышка, стаканов не было — откуда у нас? Зато было веселье и смех, часа на два.

— А потом? Интересно же.

— Об этом можно до утра. Ещё один случай, и всё, не просите: противодействие развивает что? Находчивость. Десятый класс, выпускной вечер. Учителя шмонали, нашли запасы — отобрали. Как быть? Самый смелый выходит на улицу «пронетриться». На входе его обыскивают, находят бутылку. Чуть совсем не выгнали с вечера. Все поникли. Тогда я выбираю пиджак пошире и выхожу. Возвращаюсь, перед учителем поднимаю руки — проверяйте. Он хлопает по груди, по бокам, по спине, не пропускает и брюки. Пусто. Ребята совсем расстроились. Заходим в класс. Я вытягиваю руки — не понимают. Из рукавов пиджака достаю по бутылке!

Меняю тему, продолжаю удивлять приятелей:

— Среди гаишников есть обходительные люди.

Тёзка, разумеется, первый:

— Не выдумывай!

— Еду вчера после изрядно выпитого, вы знаете, закоулками, прячусь. Уже практически ночь, а они, заразы, дежурят. Сразу за поворотом стоит наряд и несколько остановленных машин, развернуться негде. Один тормозит меня, подходит. Приоткрываю окно, сую ему документы, быстро закрываю. Идёт в свет фар, проверяет номер, возвращается. Надеюсь, что обошлось. Но он манит рукой: выходи. Я сижу, будто не понимаю. Стучит в стекло: «Выйдите, пожалуйста». Вежливый такой. Мотаю головой: не-а. Он снова: «Я вас прошу, выйдите, пожалуйста». Открываю дверь, держусь за неё руками, ставлю одну ногу, выпрямляюсь. Такого удивлённого возмущения я не слышал: «Вы же на ногах не стоите!» — «А вы считаете, что я должен ездить стоя?» Смех гаишника слышу тоже первый раз. Возвращает права: «Тебе куда?» Называю адрес. «Доедешь?» — «Видели же, как я аккуратно». — «На мост Александра Невского не суйся. Удачи».

Прощаюсь со своими и с рюмочной.

— Что случилось?

— Сын приезжает, будет поступать в «Бонч».

— У тебя же дочка.

— Да, но не моя, её отец в Академгородке работает.
А сын — мой, от первой жены.

— Это вторая?

— Не ставь на счётчик.

Каждое утро на работе один вопрос: какие успехи у сына?

— Внешний вид — отлично, — показываю я фотографию.

— Это же молодой Хемингуэй, не различить.

— Об этом сына и спрашивают: «Бабушка в Испании не воевала?»

Остальное лучше не обсуждать. Учитель я плохой, ученик мой ещё хуже. Может, стоило попробовать литературный институт? Он много читал, и язык подвешен. Нанял профессионального репетитора.

Вечером не остаюсь играть в шахматы:

— У меня партия дома, там цейтнот.

Экзамены прошли как раунды в боксе, только без синяков. Ставить их ему уже поздно. Володька устроился на работу, пожил недолго у нас и перебрался в общежитие, мотивируя тем, что оно рядом с заводом. Это так, но мотив в другом — не привык к нравам.

— За две недели не выучить то, на что отводилось два года. Почему теперь не занимаешься?

— Голова другим занята.

Новые приятели, такие же оболтусы, вечера тратят на выпивку. Володьку даже к психотерапевту водил. Ничего страшного не нашли.

— Пройдёт год, получишь разряды токаря, кого там ещё, потом армия — и что? Останешься таким же (неприятных слов не говорю) на всю жизнь. Тебя это устраивает?

Сын повременил немного и вернулся к маме, в Пермь. Мои родители, из-за кого я, собственно, в Ленинград и перебрался, расстроены больше всех. Володька первый класс у них учился, пока мы с женой перебирались из города в город.

Никогда не знаешь, какое неожиданное знакомство может всё изменить. Хорошо, если к лучшему. Все на это надеются, даже те, втайне от себя, кто это «всё» давно имеет.

Позвонили из отдела кадров:

— Людей заказывали?

— Заявка у вас.

— Трех возьмёте из электротехнического?

Сидят у меня в кабинете три девушки, одна — будто в честь неё назвали популярный тогда фильм «Самая обаятельная и привлекательная». У неё есть всё, и всё на месте, в том числе настроенность. Одета так, как именно она и должна быть одета. Часто девушки носят что-нибудь броское: вот она я! У таких этого самого «я» и нет, а есть то броское, что надето. Здесь же, напротив, выделить нечего, всё к месту. Какое тонкое чувство стиля, надо же. Наверное, так у неё во всём. Но главное — большие глаза: они оценивают, не показывая этого. За улыбкой спрятано понимание и тайна, к которой хочется прикоснуться. Повезло кому-то, кто прикоснулся, но лишь в том случае, если он сам такой же. Впрочем, какое мне дело до неё? Тем более ей до меня. Я начальник, сотрудников много, девушек, как тогда говорили, ещё больше.

Меньше чем через месяц спрашиваю у Адика (и отмечаю, что не только из служебной необходимости, но и из любопытства, оправдались ли мои наблюдения):

— Как новая птица?

— А как ты сумел подметить? Точно — птица говорун Кира Бульчёва, отличается умом и сообразительностью. Попросил найти ошибки в чужой программе — быстро справилась.

— Неплохое начало.

— Окончание не хуже — её диалог с тем, кто написал программу. «Пойду думать». — «Не наговаривай на себя».

При чём здесь новая птица — Ира? А ни при чём, оценил её верно, и точка. У нас с ней разные круги общения, к тому же разница в возрасте — семнадцать с лишним лет. Впрочем, почему лишних? Мне они нисколечко не мешают. Да и что